

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/191-201

Научная статья

© Е. Ю. Андриющенко

РАСКОСЕЦ ОТ ХОББИ К СООБЩЕСТВУ

Параллельно с государственными проектами по популяризации традиционной русской культуры вокруг этого интереса естественным путем возникают независимые сообщества. В основу статьи легли двухгодичные 2022–2024 наблюдения за любительским городским фольклорным ансамблем (г. Москва). Материалы включенного наблюдения и серии глубинных интервью дали возможность проследить процесс развития коллектива, и ответить на вопрос, чем является подобное объединение для данной группы людей, а также проанализировать реальную роль фольклора внутри сообщества. По итогам анализа были выявлены признаки различных общностных категорий, таких как группа по интересам или субкультура, однако ни одна из них не подтвердилась, как основная. Исполнение фольклора становится связующей коммуникацией в группе, а существование самого сообщества закрывает потребность горожанина в безопасности и принятии, нежели потребность в поддержании своей этничности.

Ключевые слова: комьюнити, городское сообщество, группа по интересам, фольклор, культурные практики, досуг, локальные сообщества, групповая идентичность, субкультура

Ссылка при цитировании: Андриющенко Е. Ю. Раскосец от хобби к сообществу // Вестник антропологии. 2025. № 4. С. 191–201.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/191-201

Original article

© Ekaterina Andriushchenko

“RASKOSETS”: FROM HOBBY TO COMMUNITY

Along with national projects to popularize traditional Russian culture, spontaneous independent communities arise around this interest. This article is based on two years of observations (2022–2024) of an amateur urban folklore ensemble in Moscow. Included observations and a series of in-depth interviews made it possible to trace the group's development, to answer the question of what this association means to the group, and to analyze folklore's real role within the group. The analysis identified signs of various community categories, such as an interest group or subculture, but none were confirmed as the main category. Performing folklore fosters communication within the group, and forming the community fulfills the city dwellers' need for security and acceptance more than maintaining their ethnicity.

Андриющенко Екатерина Юрьевна — магистрант, Болонский университет. Восточноевропейские исследования (Болонья, Италия). Эл. почта: zapall@mail.ru

Keywords: *community, urban community, interest group, folklore, cultural practices, leisure, local communities, group identity, subculture*

Author Info: Andriushchenko, Ekaterina Y. — Master Student, University of Bologna. East European Studies (Bologna, Italy). E-mail: zapall@mail.ru

For citation: Andriushchenko, E. Y. 2025. “Raskosec”: from Hobby to Community. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 191–201.

В конце XIII в. слово «хобби», привычное для нас в значении «увлечение», имело иное определение в английском языке — «маленькая лошадь» (Полторацкая 2015: 74). Предполагается, что трансформацию термин пережил в XVIII в. после публикации романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (Васильева 2022: 6). По сюжету произведения у всех героев есть персональный hobbyhorse или конек — т. е. интерес, любимая тема для разговора или повторяющееся занятие. В нынешних реалиях словом «хобби» обозначается род занятий, которым занимаются на досуге, в основном для наслаждения.

Феномен досуговых практик существует и развивается вместе с развитием цивилизации, и всегда отражает социо-экономические и социокультурные тенденции конкретного общества. Проблематика свободного времени поднималась еще со времен Античности, и до сих пор тема остается актуальной среди зарубежных и российских специалистов (В. Воронков, О. Бредникова, С. Ушакин, П. Бурдые, В. Тернер, Э. Венгер).

Свободное время обычно рассматривается как с экономических позиций, так и социологических. Рассмотрим эти две призмы подробнее.

Экономическая призма

Потребление и рынок досуга: Свободное время создает спрос на различные виды услуг и товаров, связанных с досугом. Он может включать в себя путешествия, развлечения, спорт, хобби и культурные мероприятия. Развитие индустрии досуга способствует экономическому росту, созданию рабочих мест и увеличению налоговых поступлений.

Инвестиции в инфраструктуру: Для удовлетворения потребностей людей в свободное время необходимо развивать инфраструктуру — парки, спортивные комплексы, театры, музеи и т. д. Это требует значительных инвестиций со стороны государства и частного сектора.

Изменение структуры занятости: С увеличением свободного времени меняется и структура занятости. Появляются новые профессии, связанные с досугом, такие как тренеры, организаторы мероприятий, специалисты по туризму и т. д. Это также может привести к изменению формата работы, например, к гибкому графику или удаленной работе.

Экономия времени: Свободное время позволяет людям заниматься саморазвитием, что может повысить их производительность и конкурентоспособность на рынке труда. Люди, которые используют свое свободное время для обучения и повышения квалификации, могут получить доступ к более высоким зарплатам и лучшим условиям труда.

Социологическая призма

Социальные связи и взаимодействие: Свободное время способствует укреплению социальных связей. Люди могут проводить время с семьей и друзьями, участвовать в общественных мероприятиях, что способствует формированию чувства общности и принадлежности.

Культурное обогащение: Участие в культурных мероприятиях, таких как выставки, концерты и театры, обогащает личный опыт и способствует развитию культурной идентичности. Это также может способствовать социальной интеграции, особенно для мигрантов и меньшинств.

Психологическое здоровье: Свободное время играет важную роль в поддержании психического здоровья. Возможность заниматься любимыми хобби, отдыхать и расслабляться помогает снизить уровень стресса и предотвратить выгорание.

Неравенство в доступе: Важно отметить, что доступ к свободному времени и возможностям для досуга может быть неравномерным. Социально-экономический статус, уровень образования и место проживания могут влиять на то, как люди используют свое свободное время. Это может привести к социальному неравенству и различиям в качестве жизни.

Активизм и участие в жизни общества: Свободное время также может быть использовано для участия в волонтерских проектах и социальных движениях. Это способствует развитию гражданского общества и повышению уровня социальной ответственности.

Таким образом, свободное время является многогранным понятием, которое влияет на экономику и общество в целом.

В современных социальных науках существуют разнообразные подходы к интерпретации феномена досуга, а повышенный интерес к этой теме объясняется возможностью рассматривать и анализировать различные аспекты повседневной жизни через досуговые практики. В процессе длительных социокультурных трансформаций досуг стал одним из значимых элементов для человека и сегодня занимает важное место в его жизнедеятельности. Он может указывать на принадлежность некой группе или приверженность мировоззрению, обнажает потребности и отражает коллективную идентичность. Тема досуга и свободного времени рассматривалась классиками социологии в контексте труда и социальной структуры. Дюркгейм (1893) подчеркивал, что разделение труда создает необходимость в отдыхе как компенсатором механизма (Дюркгейм 1990). Вебер (1905) анализировал влияние протестантской этики на отношение к свободному времени, указывая негативное восприятие безделья. Парсонс (1937) утверждал, что досуг способствует социальной интеграции, обеспечивая воспроизводство ценностей общества. Именно в сфере досуга наблюдается относительная свобода от профессиональных и семейных ограничений, а также ослабляется или отсутствует институциональное давление на личность.

В данной статье я рассматриваю досуговую практику молодых горожан. По форме практика представляет собой хоровое пение в рамках ансамбля Раскосец. Раскосец — это самоназвание фольклорного любительского хора с постоянным составом в 10–12 человек (участников в чате более 50, кто приходит не системно). Встречи проходят еженедельно, в рамках которых участники разучивают примеры аутентичного фольклора разных регионов России по старым полевым этнографическим аудиозаписям с профессиональным фольклористом. В основу исследования легли глу-

бинные интервью с большинством участников от постоянного состава (10 человек), а также данные полевого наблюдения на более чем 20 встречах в качестве полного участника и полного наблюдателя, в ходе которых фиксировался внутренний фольклор группы (ПМА).

Первой заинтересовавшей меня проблемой стала невозможность описать Раскосец в рамках той или иной формы групповой деятельности, в дальнейшем именно из этого вопроса вырос исследовательский интерес.

Данное комьюнити обладает признаками сразу нескольких общностных категорий, однако неверно было бы отнести их к одной из них:

- «представители русской культуры» — основная формальная цель группы, озвучиваемая для новых участников и внешнего круга, — изучение русского традиционного фольклора, однако не все участники отмечают это как свой интерес или отмечают, что не чувствуют себя представителями русской культуры;
- «субкультура» — у группы также есть представления об общности и свои общие символы, при этом идентичность групповая активна только вместе с группой, важно, что не происходит отстройка от внешнего мира, а участника Раскосца невозможно по каким-то признакам отличить в общественном транспорте от другого горожанина;
- «хобби горожанина» — участники оплачивают занятия и приходят в свободное от других дел время. Однако все опрошенные выразили мнение, что эти встречи отличаются от других секций, которые они посещают за деньги. В интервью упоминались квиз, футбол, йога, но говоря об отличии, в каждом случае респонденты называли особое комьюнити, которое существует только в Раскосце;
- «группа по интересам» — еще одна основная, формальная цель группы это хоровое пение, хотя не все участники обозначают пение как свой выраженный интерес и ставят его во главу угла.

Наиболее интересным парадоксом оказалось то, что ни хоровое пение, ни фольклор не являются, по словам участников, главной объединяющей целью встреч фольклорного хорового коллектива. Уже в процессе знакомства с группой выяснилось, что фольклор все же играет свою особую роль, и для понимания этой роли нужно глубже познакомиться с культурными кодами коллектива.

Сторонний наблюдатель представляет сообщество с помощью фиксации его символики, в первую очередь физической (например, знак «*peace*» у хиппи), но такую роль могут выполнять и вербальные символы. В работе «Система: тексты и традиции субкультуры» Т. Б. Щепанская употребляет определение сообщества в версии социоантрополога и политолога А. П. Козна, как поля символики: «Реальность сообщества в восприятии людей заключается в их принадлежности ...к общему полю символов» (Щепанская 2004: 58). Общее поле символов размещает в себе культурные коды. Они у ансамбля Раскосец, также как у людей из Системы (Щепанская 2004) включают в себя невербальные коды, такие как телесный код, жесты и вербальные стереотипы, такие как сленг, юмор.

Анализ любых символов сообщества ставит перед исследователем вопрос, почему группа использует именно эти образы и связывает себя с ними. Далее мы увидим, что определяет выбор символов в Раскосце.

Невербальные коды

Преподаватель использует интуитивную и «понятную» систему знаков при разучивании песен (Рис. 1). В этом смысле знаки являются исключительно продолжением практических целей — разучивание репертуара. При этом участники отмечают, что такие же движения, выполняемые другими людьми, требуют новой настройки и сходу не получается координировать голос и требования преподавателя. В интервью говорилось о дополнительных усилиях для понимания.

Однако я выношу эти движения руками в невербальный код группы, потому что они переключались из простой и понятной функции во внутренний фольклор. Координация руками, хорошо узнаваемые движения также являются предметом внутренних шуток среди «старичков». Если новичок проявляет понимание в музыке и ему не нужна настройка через руки, «старички» шутят, что человек не приживется. Так проявляется разделительная роль смехового фольклора (свой\чужой). Интересно, что эту же ситуацию разыгрывают старички для нормализации ошибок, например, для установления атмосферы принятия ошибок в исполнении нот. И так работает уже посвятельная функция, позволяя представить типовые ситуации и реакции. Эти и другие роли смехового фольклора подробно описаны Щепанской на примере культурных кодов субкультуры Система, а также в других ее работах. Исследователь анализирует как юмор, ирония и пародия используются для формирования групповой идентичности, установления внутренних норм, а также для разграничения «своих» и «чужих». Щепанская подчеркивает, что смеховой фольклор выполняет важную функцию в создании и поддержании субкультурных традиций, служа средством коммуникации и способом выражения коллективных ценностей и мировоззрения (Щепанская 2004).

Вербальные стереотипы

Еще более информативными для системного анализа являются вербальные стереотипы ансамбля (Рис. 2). Вербальные стереотипы Раскосца включают:

- узнаваемые речевые и изобразительные символы: комарик, мертвая муха, чай, движения руками и т. д. Например, осенью участники активно делятся фо-

Рис. 1. Использование системы знаков при разучивании песен. Москва, 2022/2023 г.

Фото Е. Ю. Андрющенко

Рис. 2. Вербальные стереотипы Раскосца. Москва (слева), Тульская обл. (справа).

2023 г. Фото Е. Ю. Андрющенко

тографиями мертвых мух в общем чате. Так поступают участники, которые уже разучили\исполнили песню, связанную с восточнославянским обрядом проводного типа. Обряд традиционный и называется «Похороны мух».

- самоназвание: раскотики, комарики, раскосята, всегда уменьшительно-ласкательные формы. Например, слово «раскотики» состоит из слов «Раскосец» и «котики». Соединяя слова, участники подчеркивают нежное отношение друг к другу, обозначают теплую атмосферу.
- внутренние шутки: про чай и барина, про отсутствие музыкального образования, ситуативный stand up и т. д. Например, шутка про барина и чай уместна как метафора чего-то длительного, иногда занудного. Поскольку у каждой песни есть характер, длительность, и люди, исполняющие песню, знают об этом без объяснений.

Вербальные стереотипы являются важной частью взаимодействия участников и изобилуют символами, знаками. Конструирование социального мира через повседневное взаимодействие интересовало представителей школы символического интеракционизма. Представители направления рассматривали значения символов, которые выступают как необходимые условия и средства социальных взаимодействий. Наибольшее внимание они уделяли основному символическому средству — языку. Этот социальный символ является знаковой структурой и необходим для проигрывания разных социальных ролей. За социальными символами лежит нормализация действий индивида по отношению к социальным образцам поведения. Анализируя эти символы как знаки взаимодействия, можно изучать множество аспектов социальной жизни, идентичности, культуры, власти.

Вербальные стереотипы ансамбля представляют собой такой социально-групповой феномен как арго, но прежде всего это выражается не столько в специфичности лексики, сколько в своеобразии употребления. В начале XX столетия Поль Бюрани утверждал, что арго свойственно любому языковому коллективу (*Burani 1901*). При этом, согласно Д. С. Лихачеву, арготические слова не составляют отдельной языковой системы, а лишь пересыпают речь, придавая ей специфику и помечая высказывания как «свои», в том смысле, что принадлежащие некой группе или среде (*Лихачев 1964*).

Зафиксированный во время наблюдения сленг так или иначе связан с песенным репертуаром коллектива. Здесь мы напрямую сталкиваемся с тем, какую реальную роль играет фольклор для группы. Внутренние шутки, словечки, символы в подавляющем большинстве касаются разучиваемых песен (конь-коза, зема Ро, шуря-буря). Чтобы понять этот локальный фольклор его необходимо именно спеть. Участники не разъясняют и не пересказывают смысл, освоение происходит именно через перформанс. Все вербальные стереотипы основаны на проживании исполнения тех или иных песен. Во время занятия никто не объясняет почему в какой-то момент возникает общий смех или другая общая эмоциональная реакция. Почему, например, один участник называет другого комариком и это вызывает нежные чувства в группе. Но когда новый участник спел, он понимает\проживает историю и смысл через эмоциональный опыт усваивания партии. Отрыв от репертуара означает для участника разрыв в понимании и коммуникации. Это подтверждается также тем фактом, что работает одинаково в отношении «новичков» и «старичков». Не важно сколько человек провел в коллективе, если оторвался именно от репертуара, значит оторвался от

понимания внутренних смыслов. Таким образом обнаруживается, что роль разучиваемого фольклора и его исполнения заключается в создании некоего общего информационного поля. Репертуар является связующей нитью и занимает особое место в коммуникации между участниками. Он ложится в основу внутренних локальных групповых смыслов и объединяет участников, но не как общая цель, а как общая канва, становясь «коммуникативной» эмоциональной практикой (Scheer 2012: 214).

Если русский народный фольклор является для группы общим информационным полем, то какова функция самого ансамбля в жизни участников? Для ответа на него была проведена серия глубинных интервью, чтобы получить версию самих хористов.

При формулировании гипотез был использован такой качественный метод исследования как глубинное интервью. Открытые вопросы предлагали своими словами описать, что такое Раскосец, какое место занимает в жизни участника, чем отличается от других подобных занятий и что позволяет приобрести. Всего было проведено 10 бесед, а в респонденты выбран актуальный «костяк» ансамбля. Все 10 участников упоминали в своих ответах такие категории как свобода, освобождение, самовыражение. Подобным образом о Системе говорили «пипл» (таким было самоназвание участников субкультуры Система) в работе Щепанской: «Система — это область абсолютной свободы, за которой они сюда и приходят из мира...» (Щепанская 2004: 164).

Однако существует ряд отличий в интерпретации свободы. Дополнительные вопросы вокруг темы свободы среди участников Раскосца показывали трактовку этого понятия скорее, как чувства безопасности. Как таковых официальных внутренних правил в группе не озвучивается, но наиболее часто употребляемое описание: «наше бережное сообщество». Любые агрессивные проявления недопустимы между участниками или в проявлении мнения, в споре. В некотором смысле создается даже неестественная среда. При возникновении несогласия члены ансамбля берут паузу на «подумать» и затем приносят решение, снимая градус напряжения в моменте (ПМА).

Люди из Системы в работе Щепанской, говоря о свободе, больше упоминают запреты, тем самым трактуя свободу в значении «воля», указывая одну единственную норму, где запрещается только запрещать (Щепанская 2004: 164). Отсутствие норм и ограничений здесь и является своеобразной нормой. Также речь идет о свободе обмена мнениями, где нельзя мешать высказыванию даже самых неприемлемых идей. Еще одна из трактовок говорит о раскрепощенности и свободе от комплексов, от социальных норм и чьего-либо влияния. Все эти высказывания характерны одновременно и для андеграундной субкультуры, и для структуры, которая выстраивается по принципу горизонтальных связей. И на этом, казалось бы, пересечения между важными конструктами сообществ закончились. Однако наряду со свободой, понятие «ненасилие» является ключевым и для пипл. Это один из самых главных и устойчивых символов рассматриваемой субкультуры. Системная традиция также выработала специальные средства подавления агрессивности, и их поиск постоянно продолжался.

Подобным образом в Раскосце через отлучение от общего диалога или игнорирование регулируется любое агрессивное конфликтное проявление. Отлучение осуществляет администратор общего чата, поскольку на живых встречах конфликты исключены. При этом даже отлучение не выглядит как удаление или блокировка участника. За время наблюдения открытый конфликт произошёл однажды, администратор чата и руководитель коллектива попросили участника взять время на то, чтобы успокоиться, другие участники чата либо не высказывались, либо тоже попы-

тались успокоить конфликт (ПМА). В результате удалился сам участник. Подобная регуляция существовала и в Системе. Среди участников эту работу выполняло общественное мнение, отводящее агрессивному члену группы низшие места в иерархии. И достаточно идентично люди, пользующиеся в Системе и в Раскосце неким авторитетом, всячески демонстрируют свою «мягкость» и неагрессивность.

Говоря о других важных нарративах, участники хора также подробно отмечали темы объединения, контакта, особого места принятия. Здесь будет уместным вспомнить американского историка и антрополога Уильяма М. Редди и его концепцию эмоциональных убежищ, где люди справляются с эмоциональными переживаниями, стрессом или навязанными «правильными» эмоциями (Reddy 2001). Публичная декларация любви к государственной символике — например, на школьной линейке — это пример такого эмотива и часть современного национального эмоционального режима во многих государствах. В своей книге «История эмоций» Ян Плампер комментирует работу Уильяма Редди: «Правильные» эмотивы обеспечивают возможность эмоциональной навигации, успешного маневрирования между различными целевыми ориентациями; «неправильные» же эмотивы сентиментализма привели к саморадикализирующемуся выражению всех чувств и тем самым сделали невозможной эмоциональную навигацию, то есть нарушили равновесие между противоречивыми целями эмоций, которое раньше поддерживалось» (Плампер 2018: 366).

Уильям М. Редди утверждает, что в условиях эмоционального напряжения люди создают «убежища» — внутренние или внешние пространства, где они могут чувствовать себя в безопасности и защищенными от негативных эмоций или давления (Reddy 2001). Эти убежища могут принимать различные формы, включая:

Внутренние убежища: это могут быть ментальные стратегии, такие как позитивное мышление, медитация или визуализация, которые помогают человеку справиться с трудными эмоциями.

Внешние убежища: это могут быть физические места или социальные связи, такие как дом, природа, друзья или семья, где человек чувствует поддержку и комфорт.

У. Редди подчеркивает, что эмоциональные убежища играют важную роль в психическом здоровье, позволяя людям восстанавливаться после стресса и находить ресурсы для преодоления трудностей. Концепция также акцентирует внимание на том, что каждый человек может иметь свои уникальные способы создания и поддержания этих убежищ, что делает подход к эмоциональному благополучию индивидуальным.

Таким образом сформировалась гипотеза, что люди в Раскосце закрывают некий дефицит принятия, ненападения и общности. В развернутых ответах это подтвердилось историями о разрушении связей с друзьями, старых семейных связей, о потере старого окружения. При этом на вопрос «без чего Раскосец перестанет существовать», все 10 человек ответили, что потеря сообщества, некой принимающей среды будет означать для них невозможность существования коллектива. Комьюнити сформировавшееся внутри любительского ансамбля гарантирует его членам особое социальное взаимодействие (ПМА).

Здесь опять коснемся такого социологического направления, как символический интеракционизм и, в частности, вспомним его представителя Ирвина Гофмана (Гофман 2000). В своей книге «Представление себя другим в повседневной жизни» он анализирует взаимодействие людей в реальной жизни через призму своей концепции «социальной драматургии». Согласно этой теории, повседневное взаимодействие

можно сравнить с театральной игрой, где каждый участник исполняет определённую социальную роль. Необходимость играть роли в социальных взаимодействиях приводит к закреплению тех или иных форм поведения в культуре как приемлемых и одобряемых. Эти формы постепенно становятся ритуализированными и начинают выполнять, прежде всего, функции адаптации индивида к тому или иному культурному коду. Раскосец одновременно создает пространство свободы от необходимости играть роли, постулируя принятие, но в действительности предлагает место, в котором выстраивается иная социальная драматургия, а новой нормой поведения становится отсутствие агрессии и конфликтности в любой их форме.

Прежде чем окончательно определиться с выводом о том, что рассматриваемое комьюнити отражает дефициты в принятии и ненападении для своих участников, было решено проверить еще одну гипотезу. Не развилась ли группа из вторичной до первичной?

По теории Чарльза Кули (*Cooley 1909*), первичные и вторичные группы представляют собой два типа социальных групп, которые отличаются по своему характеру и степени близости между участниками. Первичные группы характеризуются высокой степенью эмоциональной близости и личной связи между их членами. Эти группы обычно небольшие по размеру и включают в себя людей, которые имеют тесные и длительные отношения.

Примеры первичных групп включают: — Семья; — Близкие друзья; — Небольшие сообщества. В таких группах взаимодействие происходит на основе личных чувств, доверия и взаимопонимания. Члены первичных групп оказывают значительное влияние друг на друга и формируют важные аспекты идентичности и социального поведения.

Вторичные группы, напротив, более формальны и менее эмоционально близки. Они могут быть большими по размеру и часто создаются для достижения определенных целей или задач. Примеры вторичных групп включают: — Рабочие коллективы; — Учебные группы; — Профессиональные ассоциации. Вторичные группы характеризуются более формальными отношениями, где взаимодействие происходит на основе ролей и обязанностей, а не личных связей. Члены таких групп работают вместе для достижения общих целей.

Может ли такой острый фокус на отношениях служить всего лишь маркером трансформации группы из вторичной в первичную?

Для ответа на этот вопрос стоит посмотреть на то, как структурно менялась группа за два года наблюдения. Изначально Раскосец был закрытой группой друзей, которые встречались, чтобы петь (таков рассказ участников, наблюдение в этот момент еще не проводилось, как раз по причине закрытости сообщества, попасть туда можно было лишь имея дружеские связи с участниками). Выходы во вне группа не предпринимала, участников из вне в свободном формате не приглашала.

На первом этапе группа действительно относилась к первичной, так как представляла собой группу близких друзей. Однако в силу естественных причин (многие люди разъехались, изменились обстоятельства жизни) Раскосец открылся для сторонних людей и трансформировался во вторичную. Соотношение настолько сильно изменилось, что по признаниям участников более полугода люди не знали имен друг друга и обменивались только словами приветствия и прощания. На данном этапе группа стала предпринимать попытки выступать, как коллектив. Что также свидетельствует о появлении общих целей, а, следовательно, принадлежности ко вторичному типу.

Возможно, новые участники лучше познакомились за время наблюдения, стали группой друзей, и опять вернулись к первичной форме? К тому же ансамбль вновь закрылся и принял решение не набирать сторонних\новых людей в коллектив. Однако выяснилось, что на данном этапе это было обусловлено как раз наличием общей цели — выступать, выходить во вне. И данная цель требовала улучшения качества, постоянства и закрепления результата.

Еще более характерным является тот факт, что сложившиеся теплые отношения не перешли за рамки групповых встреч коллектива, люди не начали дружить и не перешли границы вторичного типа. Участники разделяют свою обычную отдельную жизнь, и такие выходы «в общество». Это общество не является работой, оно не просто оплаченный кружок, не группа по интересам, а некий специфический микросоциум, который не переходит личные границы, но позволяет проявляться, быть услышанным, принятым, где разделяют принципы, не нападают.

Группа трансформировалась за годы наблюдения, двигаясь по внутренним потребностям участников. То, что со стороны по форме выглядит как обычное хобби, внутри ощущается участниками как желанная мини-модель общества, потребность в которой не закрывается для них во внешней среде. В процессе анализа роли русского традиционного фольклора для данной группы, естественным образом произошел параллельный анализ роли самого комьюнити для участников. Сформировавшееся сообщество отражает дефициты определенной категории современного жителя Москвы.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы автора. Интервью с участниками коллектива «Раскосец». Москва, 2022–2024 г.

Научная литература

- Васильева Н. А., Бетеньков Д. П. Концепт hobby // Юный ученый. 2022. № 7 (59). С. 6–17. <https://moluch.ru/young/archive/59/3149/>
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс, 2000. 304 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М.: Наука, 1990. 575 с.
- Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка / под ред. И. П. Мучника и М. В. Панова. М.: Наука, 1964. С. 311–359.
- Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое лит. Обозрение, 2018. 568 с.
- Полторак А. А. Восприятие слова «Хобби» в современных русском и английском языках // Science Time. 2015. № 3. С. 74–78. <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-slova-hobbi-v-sovremennyh-russkom-i-angliyskom-yazykah>
- Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.
- Burani P. Preface // Dictionnaire français-argot et des locutions comiques / by de Noter R. Paris: Albert Mericant, 1901. P. 5–7.
- Cooley Ch. H. Social Organization: A Study of the Larger Mind. New York: Charles Scribner's sons, 1929. 426 p.
- Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001. 380 p.
- Scheer M. Are Emotions a Kind of Practice (and Is That Makes Them Have a History): A Bourdieuan Approach to Understanding Emotions // History and Theory. 2012. Vol. 51. No 2. P. 193–220. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2012.00621.x>

References

- Burani, P. 1901. Preface. In *Dictionnaire français-argot et des locutions comiques* [French Dictionary of Slang and Comic Expressions], by R. de Noter. Paris: Albert Mericant. P. 5–7.
- Cooley, Ch. H. 1929. *Social Organization: A Study of the Larger Mind*. New York: Charles Scribner's Sons. 426 p.
- Durkheim, É. 1990. *O razdelenii obshhestvennogo truda: Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Nauka. 575 p.
- Goffman, E. 2000. *Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kanon-Press. 304 p.
- Likhachev, D. S. 1964. Argoticheskie slova professional'noi rechi [Argotic Words in Professional Speech]. In *Razvitie grammatiki i leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Development of Grammar and Vocabulary of the Modern Russian Language], ed. by I. P. Muchnik and M. V. Panov. Moscow: Nauka. 311–359.
- Plamper, J. 2018. *Istoriia emotsii* [The History of Emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 568 p.
- Poltorak, A. A. 2015. Vospriyatie slova “Khobbi” v sovremennykh russkom i angliiskom yazykakh [The Perception of the Word “Hobby” in Modern Russian and English Languages]. *Science Time* 3: 74–78.
- Reddy, W. M. 2001. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. New York: Cambridge University Press. 380 p.
- Scheer, M. 2012. Are Emotions a Kind of Practice (and If So, Does That Make Them Have a History?): A Bourdieuan Approach to Understanding Emotions. *History and Theory* 51(2): 193–220. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2012.00621.x>
- Shchepanskaya, T. B. 2024. *Sistema: teksty i traditsii subkultury* [System: Texts and Traditions of Subculture]. Moscow: OGI. 286 p.
- Vasilieva, N. A., and D. P. Betenkov. 2022. *Kontsept Khobbi* [The Concept of “Hobby”]. *Yunyi uchenyi* 7(59): 6–17. <https://moluch.ru/young/archive/59/3149/>